

СТАНИСЛАВ ДРОБЫШЕВСКИЙ

Борьба за обед

Ещё 50 баек
из грота

Станислав Владимирович Дробышевский

Борьба за обед: Ещё 50 бак из грота

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70163434

Борьба за обед: Ещё 50 бак из грота: Альпина нон-фикшн; Москва;

2024

ISBN 9785002232208

Аннотация

Мы – это то, что мы едим. Но мы – ещё и способ добычи пищи. Миллионы лет наши предки искали фрукты, ловили рыб, охотились на птиц и зверей, а иногда пытались и сами не стать чьим-то обедом. Вся наша жизнь вертится вокруг еды. Даже чувство удивления, способы общения, ритуалы – всё это либо проистекает из желания поесть, либо сопровождается пиром.

Благодаря анализу изотопов углерода и кислорода из почвы и ископаемых зубов мы знаем, какие животные жили в каких местообитаниях – заросших деревьями или травой, сухих или влажных.

Как пращуры вели свою борьбу за обед – об этом расскажут 50 невыдуманных историй. Современная наука может многое рассказать о жизни в прошлом. А потому каждая

байка сопровождается исследованием, повестью о том, откуда учёные узнают о давно минувшем. Главное, что мы узнаем при рассмотрении этого удивительного калейдоскопа, – древние люди были разными. Кому-то из них не везло, но те, что были лучше – сильнее, умнее, добрее – всех, выживали, плодились и стали нашими предками. Мы – потомки самых лучших предков, а это повод стараться быть лучшими предками для своих потомков.

Самая интригующая композиция – цепочка следов гигантского ленивца, шедшего на двух ногах, за которым гнался человек. Часть человеческих отпечатков находится внутри следов ленивца: человек шёл шаг в шаг со зверем, подстраиваясь под его темп.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
1. УДЖАЙФА	14
2. РУСИНГА	25
3. БАЧЧИНЕЛЛО	38
4. АРАМИС	52
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Станислав Дробышевский

Борьба за обед:

Ещё 50 бак из грота

Текст публикуется в авторской редакции

Издатель: Павел Подкосов

Главный редактор: Сергей Турко

Руководитель проекта: Анна Тарасова

Художественное оформление и макет: Юрий Буга

Корректор: Ольга Петрова

Компьютерная верстка: Андрей Ларионов

Иллюстрация обложки: Юлия Жданова

Иллюстрации: Юлия Жданова

Рисунки: Людмила Хлебникова

Все права защищены. Данная электронная книга предназначена исключительно для частного использования в личных (некоммерческих) целях. Электронная книга, ее части, фрагменты и элементы, включая текст, изображения и иное, не подлежат копированию и любому другому использованию без разрешения правообладателя. В частности, запрещено такое использование, в результате которого электронная книга, ее часть, фрагмент или элемент станут

доступными ограниченному или неопределенному кругу лиц, в том числе посредством сети интернет, независимо от того, будет предоставляться доступ за плату или безвозмездно.

Копирование, воспроизведение и иное использование электронной книги, ее частей, фрагментов и элементов, выходящее за пределы частного использования в личных (некоммерческих) целях, без согласия правообладателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Дробышевский С. В., 2023

© ООО «Альпина нон-фикшн», 2024

* * *

СТАНИСЛАВ ДРОБЫШЕВСКИЙ

Борьба за обед

Ещё 50 бак
из грота

*Посвящается Инге, Володе и Маше –
моей любимой семье*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Люди любят сказки, люди любят фантастику. Ещё бы! В череде обыденных событий, в ежедневной суете, однообразном повторении одних и тех же действий легко заскучать, затосковать об «эдаком-разэдаком». Хочется хотя бы помечтать о путешествиях и приключениях, драконах и подвигах, великих противостояниях и преодолениях. И вот люди смотрят красочные фильмы, читают яркие книжки, рассказывают байки. Фантазия – это прекрасно, она отличает нас от животных.

Но так ли необходимо сочинять небылицы, чтобы окунуться в мир чудес? Реальность всегда удивительнее любой фантазии. А уж реальность прошлого превосходит самые яркие образцы фэнтези. Наши предки и предшественники за миллионы лет существования оказывались в таких местах, участвовали в таких передрягах, что никакой поэт не сочинит удивительнее и заковыристее. Предки скакали по зелёным ветвям в дождливых джунглях и перебирались через песчаные барханы в безводных пустынях, стремились к новому под палящим солнцем и сквозь снежные бураны, пересекали моря и континенты, плыли по волнам в неизвестность и брели через травяные моря к новой жизни, встреча-

лись с карликами и гигантами, чудовищами и антиподами. С течением времени менялись флора, фауна, климат и даже очертания материков, надвигались и откатывались ледники, воды океана отступали, открывая проходы к новым землям, и вновь поднимались, отрезая скитальцев от прародины. Но переселенцы не жалели об утерянном, не считали прибыли и не жаловались на судьбу. Они радовались всё новым возможностям, которые предоставляла им планета. Остров за островом, континент за континентом преодолевали путешественники. Они не шли по прямой, у них не было цели, иногда они возвращались назад, не зная о том, и каждый новый край был для них землёй обетованной. По пути они и сами менялись, обезьяны становились обезьянолюдьми, те – человекообезьянами, а после их потомки выстраивались в длинную череду людей, каждый этап которых отличался не только от предков и потомков, но и от соседей. Несхожие человечества сталкивались и удивлялись друг другу, общались и враждовали, взаимообогащались и старались вытеснить непохожих или сбежать от них.

Истории, рассказанные далее, выдуманы лишь наполовину. Конечно, автор не присутствовал при описываемых событиях. Но на помощь спешит современная наука. Палеонтология поставляет сведения о климате и живых существах, окружавших наших предков. На самом деле это даже не одна, а огромный комплекс наук: палеогеография, палеоклиматология, палеоботаника, палеозоология, а в каждой из них

несть числа направлений. Археология рассказывает о труде древних людей: чем они занимались, где жили, чем пользовались, что изготавливали, иногда даже — о чём думали. В частности, трасология позволяет определить, как применялись орудия труда, откуда взялись царапины на камнях и костях: покусал ли их крокодил, или погрызла гиена, или человек порезал кремнёвым отщепом или поскрёб костяным лоцилом. Наконец, бесконечно много открывает антропология, изучающая самих древних людей. Какого они были роста и сложения, как выглядели, кто кому приходился родственником. Палеопатология даёт возможность судить о ежедневных нагрузках и болезнях; даже о таких вещах, был ли конкретный человек правой или левой, много ли бегал, ходил босиком или в обуви, носил ли шапку натянутой по брови или лихо заломленной набекрень. Палеодиетология ведает о питании древних людей: мясоедство и вегетарианство, морское и континентальное собирательство — это самый первый уровень разрешения, а при желании можно узнать, много ли человек грыз орехов, жевал корни или стебли, ел фрукты с деревьев или ягоды с кустов, оленину или мамонтятину. Палеогенетика — самая молодая и чрезвычайно перспективная область, гипотетически способная дать не только сведения о древних людях, но и самих древних людей во плоти. Правда, клонирование неандертальцев пока фантастика, но цвет кожи, волос и глаз, склонность к полноте и облысению, сложные биохимические свойства

организма она уже позволяет определять с большой точностью.

Мы уже очень много знаем о жизни предков. Но тем прекраснее, что ещё больше нам пока предстоит узнать. Наука движется вперёд семимильными шагами, и нет сомнения, что скоро мы ещё лучше будем понимать своих пращуров.

* * *

Книга, которую Вы держите в руках, – продолжение книги «Байки из грота». Однако это не просто новые истории. В новой книге упор сделан на окружающий пращуров мир. Кто жил рядом – монстры или красавцы? Какой ветер дул в лицо – холодный или жаркий? Что было на обед – отбросы или деликатесы? Обо всём этом узнаёт наука, обо всём этом Читатель прочитает в истинных историях из жизни предков.

1. УДЖАЙФА ЛИЦО ПРЕДКА (АРАВИЯ; 29 МЛН Л.Н.)

Густая зелень низко нависла над водой. Тёмное зеркало незаметно переходило в черноту прибрежных кустов. На застывшую гладь упал лист и плавно закружился в центре разбегающихся колечек. Зорко озираясь, мягко переступая цепкими лапами, по огромному наклонному стволу спускалась обезьяна. Острые глазки быстро посматривали по сторонам, вытянутый нос двигался, щупая насыщенный тропическими ароматами воздух, пушистый хвост поднялся и завис в ожидании рывка.

Всё было тихо. Листик застыл, кольца перестали мерцать, льющийся с неба зной разбивался о прохладу воды.

Обезьяна села на ствол и почесалась, продолжая позыркивать по сторонам. Лениво ковырнула сильным пальцем покрытую мхом кору, присмотрелась было к результату и вновь быстро оглянулась.

Всё было спокойно. Дневной зной загнал всех в тень. Толстокожие антракотерии дремали в своих болотах в ожидании ночного пастбища. Хищники лежали в своих берлогах под непролазными кустами в ожидании ночной охоты. Может, разве где-то по скалам, местами возвышающимся над зеленью, лениво перебегали толстые даманы. Но даже их сейчас не было ни видно, ни слышно.

Обезьяна поднялась, спустилась ещё на несколько шагов и снова присела. Основание ствола почти горизонтально уходило в чащу; широкие листья прибрежных растений закрывали его – столь уютно и столь подозрительно.

Лист лежал на воде, как на камне.

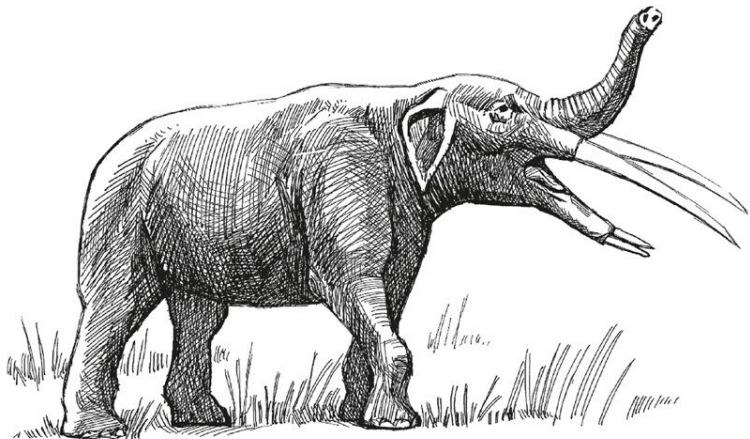
Обезьяна решительно поднялась, легко пробежала вниз и наклонилась к вожденной воде. Зелень распахнулась, что-то метнулось из неё, обезьяна обернулась и рванулась в сторону, раздался хруст костей. Креодонт выплюнул что-то жёсткое в воду, схватил обмякшее тело обезьяны своей огромной пастью и поволок в темноту.

Кровавые круги всколыхнули листик, и вновь разлились покой, зной и тишина...

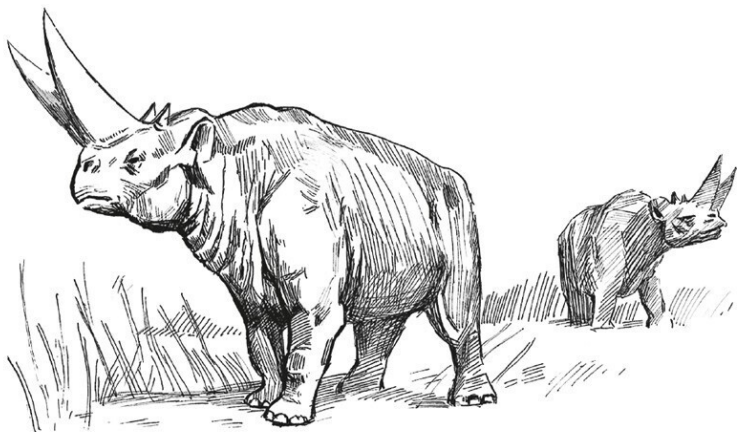
Улики

Саудовская Аравия – не самое гостеприимное для приматов место. Жёлтые пески, которые ветер перевевает по пустыне, чахлые пыльные пальмы, сохнувшие вдоль вади – русел временных потоков. Казалось бы, это место лишь для ящериц, змей и муравьёв. Но до сих пор в редких зарослях Аравии живут павианы *Papio hamadryas arabicus* – свидетели былого великолепия. Не всегда полуостров был таким скучным, было время – и на его просторах шумели густые леса.

Природа склонна к преобразованиям, облик местности может не меняться миллионы лет, а может стать совершенно неузнаваемым. 29 миллионов лет назад, в раннем олигоцене, климат был намного влажнее современного. В местонахождении Уджайфа, на западе Саудовской Аравии, залегают слои с окаменелостями той эпохи. Сохранилось не так много: фрагменты костей и зубов антракотерия *Bothriogenys fraasi*, даманов *Megalohyrax eocaenus* и *Geniohyus/Bunohyrax*, палеомастодона *Palaeomastodon*, неопределённого мастодона, странного четырёхбивневого слона *Gomphotherium* и странного четырёхрогвого толстокожего *Arsinoitherium zitelli* с двумя огромными и двумя маленькими рогами над глазами.

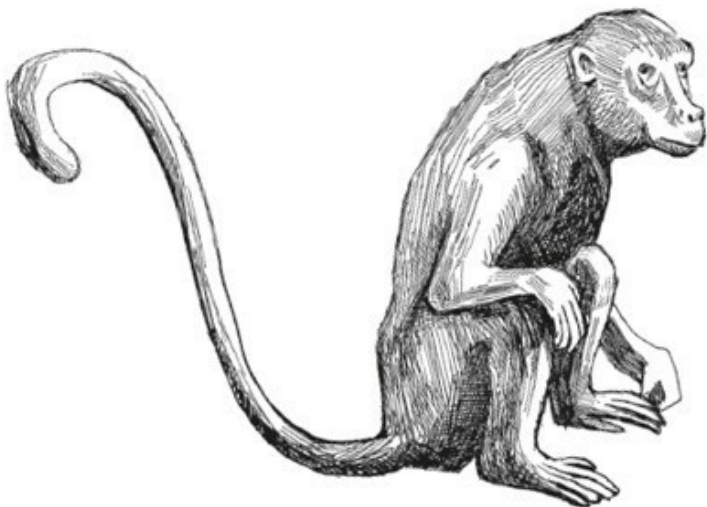
Четырёхбивневый слон *Gomphotherium*

Arsinoitherium zitelli с двумя огромными и двумя малень-

кими рогами над глазами

В известной фауне Уджайфа нет хищников. Но нет и сомнений, что кто-то подстерегал свою добычу в дебрях олигоценовой Аравии. Прямое свидетельство этому – следы зубов на черепе SGS-UM 2009-002. Этот череп – уникальный. Он принадлежал обезьяне сааданиусу *Saadanius hijazensis*. Судя по тонкостям строения челюстей, зубов и височной кости, сааданиус был последним общим звеном, соединяющим мартышкообразных и человекообразных обезьян. Одна часть его потомков стала колобусами, лангурами, мартышками, макаками и павианами, а другая – гиббонами, орангутанами, гориллами, шимпанзе и нами. Сам сааданиус был похож на современную макаку, весил 15–20 кг, а размер его головы был как у современного сиаманга – крупного гиббона.

Обезьяна *Saadanius hijazensis*

Череп SGS-UM 2009-002 принадлежал взрослому самцу. Ему не повезло: какой-то неведомый, но очень большой хищник отгрыз ему лицо. Зато повезло палеонтологам: череп сааданиуса сохранился почти идеально, что бывает крайне редко. Обезьяны обычно живут высоко на деревьях, стараются по возможности не приближаться к воде, а потому вероятность, что их останки окажутся в отложениях (а отложения чаще всего образуются именно на дне водоёмов),

крайне мала. Именно поэтому у нас так мало целых черепов древних приматов, не говоря уж о скелетах. Обычно палеонтологам приходится довольствоваться изолированными зубами. Тут же несчастье бедного сааданиуса обернулось палеонтологической удачей.

Фрагмент черепа SGS-UM 2009-002

Кто схватил беднягу, мы не знаем. Но из других местонахождений олигоцена известно огромное число хищников,

самыми мощными из которых были креодонты. Это были сравнительно коротконогие твари с тяжёлыми головами и мощнейшими зубами. Они плохо лазали по деревьям, не умели сграбастывать добычу и наверняка были туповаты, однако и добыча была соответствующей. Огромные челюсти креодонтов с лёгкостью разгрызали что угодно, а большего им было и не надо. Древесные обезьяны крайне редко попадались им на обед, так что олигоцен можно считать обезьяньим раем. Но, как мы видим на примере SGS-UM 2009-002, и в Эдеме можно попасться чудовищу.

Не всегда полуостров был таким скучным, было время – и на его просторах шумели густые леса

Аравия продолжала быть гостеприимной ещё очень долго. Спустя десять миллионов лет после сааданиуса, 17–18 миллионов л.н. тут жили гелиопитеки *Heliopithecus leakeyi*. К сожалению, мы очень мало знаем об этих человекообразных обезьянах. В местонахождении Ад Дабтиях сохранился лишь обломок левой верхней челюсти с четырьмя зубами, да ещё четыре зуба без челюстей. Судя по нему, гелиопитеки были чуть меньше современного шимпанзе, но намного примитивнее не только нынешних человекообразных обезьян, но и некоторых синхронных родственников вроде африканского афропитека *Afropithecus turkanensis* и моротопитека *Morotopithecus bishopi*.

Спустя несколько миллионов лет леса стали быстро ре-

деть, и ко времени около 10–11 млн л.н. Аравия из лесного рая превратилась в степь, которая ещё чуть позже и вовсе стала пустыней – надёжным барьером, столь долго не пускавшим предков людей из Африки в Евразию.

Литература

Zalmout I. S., Sanders W. J., MacLatchy L.M., Gunnell G. F., Al-Mufarreh Y.A., Ali M. A., Nasser A.-A.H., Al-Masari A.M., Al-Sobhi S.A., Nadhra A. O., Matari A. H., Wilson J. A. et Gingerich Ph. D. New Oligocene primate from Saudi Arabia and the divergence of apes and Old World monkeys // *Nature*, 2010, V. 466, pp. 360–364.

2. РУСИНГА МОСТ В РАЮ (КЕНИЯ; 18 МЛН Л.Н.)

Солнце разливало тепло по небу и поднебесью. Зелёные склоны вулкана широкими волнами спускались вниз. Между густыми кустами струился ручей. Кроны деревьев смыкались над водой, образуя изумрудный туннель – тихое уютное место. В пологе из листьев звучала невидимая птица. Через прорехи в своде пробивались яркие лучи и блестели в воде; иногда вокруг такого солнечного столба начинали кружить бабочки.

Где-то выше по склону иногда раздавались крики дендропитеков, далеко вниз по течению слышались тяжёлые вздохи лесных слонов.

Ветки закачались, и по толстому суку, протянувшемуся на половину ширины речушки, осторожно вышел проконсул. Небольшие размеры и короткая мордочка ясно выдавали в ней самку. Обезьяна прошла треть сука, села и оглянулась. Вслед за ней из листвы выскочил головастый детёныш. Он резво пробежал до мамы, высоко поднимая несурзные лапки,

сел рядом с ней и схватился ручонками за шерсть на её спине. Родительница извернулась, ухватила сыночка рукой и, посадив перед собой, принялась чистить ему шёрстку. Несколько мгновений он сидел тихо, но потом забеспокоился и попытался убежать. Мама строго удержала его на месте, легонько придавила к ветке и снова принялась шевелить его смешной пушок.

В зарослях на берегу раздался какой-то шорох. Самка привстала и внимательно взгляделась в чащу. Она не была встревожена, скорее заинтересована. Опасные твари – зубастые креодонты – никак не смогли бы забраться на ту высоту, где сейчас сидели мама с сыночком. Но креодонты и не шумели бы так сильно.

Из кустов на берег, усыпанный вулканическим туфом, вышел халикотерий. Он странно ковылял на длинных передних лапах, медленно переставляя коротенькие и как будто вечно полусогнутые задние. Длинная мощная шея уверенно раздвигала ветки. Широкие ноздри на вытянутой морде раздувались, вдыхая воздух. Халикотерий плавно и не торопясь выдвинулся на бережок, застыл на полминуты, качнулся вперёд и наклонился попить.

Проконсулы потеряли интерес и опять занялись своими делами. Детёныш вновь засуетился и попробовал убежать. Мамаша лениво попыталась его удержать, но не особо

старательно. Сыночек пробежал вперёд и увидел пару бабочек, крутивших свой замысловатый танец в ярком пятне тепла. Бестолковый малыш на полсекунды присел, наблюдая за мельтешением крыльев, а затем попробовал ухватить столь заманчивые игрушки.

В этот момент внизу раздался оглушительный треск: халикотерий решил подкрепиться, сел на свой широкий зад, зацепил огромными когтями тонкое деревце и потянул ко рту, вытягивая губы в предвкушении лакомства.

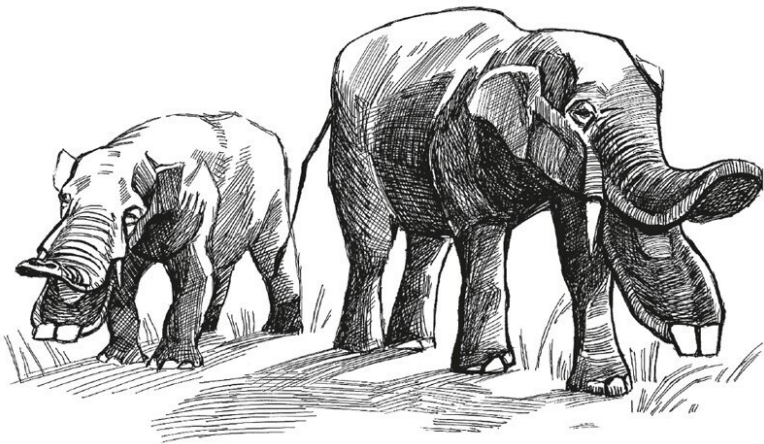
Скрип ломаемого ствола напугал детёныша – он, смотревший вверх на бабочек, шарахнулся назад и вбок, нога соскользнула с сука, и бедняжка повис, цепляясь ручонками за кору. Мама бросилась вперёд, вытянула мохнатую руку и ухватила драгоценное чадо за шкурку. Едва не улетевший в речку страдалец, испуганно тараща круглые глаза, прижался к мамочке. Она обняла его, прижала к себе, успокаивая и одновременно поглядывая поверх острым взглядом. Детёныш, ни на миг не отпуская шерсть мамы, перебрался к ней на спину и затих в этом самом безопасном в мире месте. Самка поднялась, легко добежала до конца сука, не останавливаясь перемахнула на встречную ветку и скрылась в кронах на противоположном берегу.

Халикотерий так и не заметил едва

не случившейся трагедии. Он был всецело поглощён ощипыванием нежной листвы со сломанного деревца...

Улики

Африканские экваториальные и тропические леса – родина человекообразных обезьян. В промежутке времени от 28 до 24 млн л.н. некие ещё очень примитивные гоминоиды появились именно в Африке. В кенийских местонахождениях Лотидок и Лосодок найдены куски челюстей и зубы камойя-питека *Kamoyapithecus hamiltoni*, в танзанийском Нсунгве – руквапитека *Rukwapithecus fleaglei*. Эти создания ещё очень отдалённо напоминали современных гиббонов, орангутанов, горилл и шимпанзе, но были их прямыми предками. О первых человекообразных мы знаем очень мало. Но прошло ещё десять миллионов лет – и их многочисленные потомки заполнили африканские джунгли.

Коротконогие маленькие слоны *Archaeobelodon*

Карликовый оленёк *Dorcatherium parvum*

В отложениях на островах Русинга и Мфангано на озере Виктория палеонтологи откопали огромное количество костей и зубов проконсулов: древнейший – 19–20 млн л.н. – *Proconsul africanus* эволюционировал в *P. heseloni* с датировками 17–18,5 млн л.н., который чуть позже изменился в очень похожего *P. nyanzae*. Благодаря этим находкам мы знаем о проконсулах очень много. Эти обезьяны были размером с очень крупную макаку, среднего павиана или гиббона-сиаманга. Их руки и ноги были равной длины, при беге по ветвям они опирались на ладонь; морда была сравнительно короткой, клыки умеренной длины, а размер мозга –

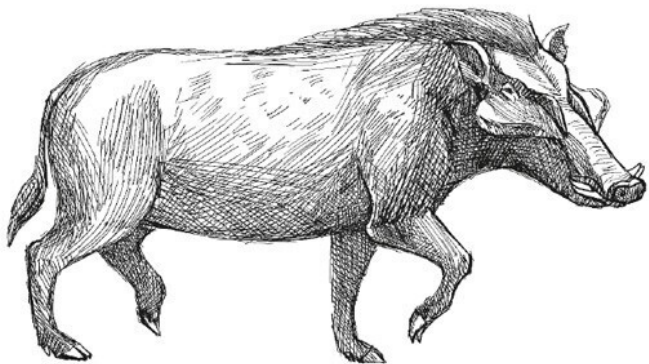
как у современного павиана. Поскольку проконсулы весили 10–20 кг – довольно много для обезьяны, то лихо прыгать с дерева на дерево они уже не могли; хвост потерял своё значение как балансир и руль, а потому исчез, от него остались лишь маленькие копчиковые позвонки.

Исследователи много спорили о том, в какой среде жили проконсулы. Варианты менялись от открытой саванны с редкими деревьями до густого дождевого тропического леса. Такой разброс мнений, как ни странно, связан не с недостатком, а с избытком информации: в богатых отложениях Русинги и Мфангано сохранились не только кости крупных животных, но и раковины улиток, отпечатки многоножек и листьев, окаменевшие стволы, корни и семена деревьев, а также прочие следы прошлой жизни. Обилие карбонатов в воде законсервировало даже такие эфемерные вещи, как муравейник, плоды, язык ящерицы-геррозавра, мускулатуру и перья птицы, черепномозговые нервы проконсула. И при этом на небольшом расстоянии встречаются останки как водных животных, например крокодилов, так и степных, как, например, долгоногов. В общем-то для Африки такая мозаика очень характерна. Подробное исследование ископаемых почв и фаунистических комплексов из отдельных точек позволило конкретизировать картину с точностью до десятков метров.

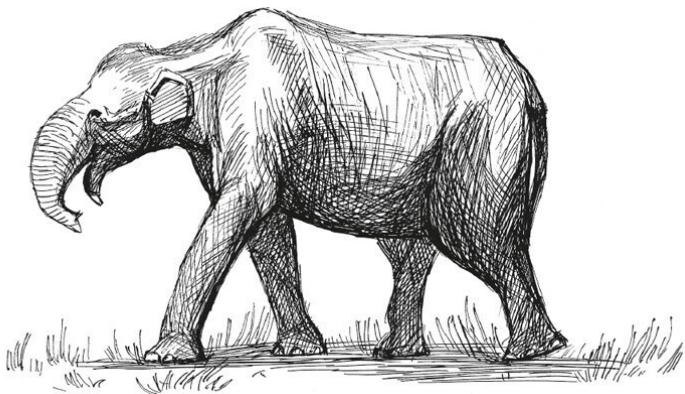
Останки проконсулов есть в разных местах, но сохранность останков сильно различается. Особенно богато место-

нахождение Касванга на северной оконечности острова Русинга, тут найдены несколько почти целых скелетов и огромное количество фрагментов. Некоторые кости обнаружены в сочленении, многие – разрозненными. Очевидно, тут-то и был дом проконсулов, а в прочие местонахождения обломки костей и зубы заносились ручьями. Судя по всему, проконсулы прыгали по деревьям, смыкавшимся над тихой речкой, и иногда падали в неё. Показательно, что останков детёнышей и подростков больше, чем взрослых, – неопытные чаще срывались с веток.

Своеобразным пупом Русинги был вулкан Кисингири. По его склонам, большей частью с юго-востока на северо-запад, текли мелкие медленные извилистые потоки. По их берегам росли довольно густые леса – так называемые галерейные, в которых и жили проконсулы. Это не были влажные леса типа современных экваториальных, но и не открытые равнины с участками леса. В чаще росли деревья семейства кутровых *Leakeya vesiculosa* (современные родственники которых имеют вкусные красные плоды), семейства анноновых *Anonaspernum distortum* (плоды нынешних представителей – сметанные яблоки – похожи на ананасы), *Cnestis rusingensis* из коннаровых (плоды коих обычно сухи), *Triclisia inflata* и *Syntrisepalum auritum* из лунносемянниковых (чьи плоды часто красивы, но горьки и даже ядовиты), лианы тыквы-горлянки *Lagenaria cruciformis* из тыквенных и *Ziziphus rusingensis* из крушиновых.

Древняя свинья *Nyanzachoerus*

Длинноногий лесной слон *Prodeinotherium hopleyi*

Чашу с проконсулами делили примитивные галаго *Progalago songhorensis* – предки чебурашек, тростниковые крысы *Diamantomys luederitzi* и *Paraphiomys stromeri*, похожие на помесь крысы с бобром, примитивные белки *Vulcanisciurus africanus*, шипохвостые летяги *Paranomalous soniae*, чья летательная перепонка крепится к особому тонкому хрящу, идущему от локтя параллельно предплечью, а в шерсти хвоста кроются острые шипы, прыгунчики *Miorhynchocyon clarki* – длинноносые, длинноногие и длиннохвостые родственники слонов размером с котёнка, халикотерии *Butleria rusingense* – несуразные родичи лошадей, садившиеся перед деревьями и пригибавшие ко рту ветви огромными когтями на огромных передних лапах, карликовые оленьки *Dorcatherium parvum* – саблезубые копытные, любящие лазать по низким деревьям и забираться в дупла, в целом фруктоядные, но способные загрызть какую-нибудь мышь или рыбу, креодонты *Anasinopa leakeyi* – хищники размером с волка, главная гроза миоценовых лесов.

Проконсулы почти не покидали деревьев, так что жили практически в полной безопасности. Креодонты плохо лазали по деревьям, примитивный медведь *Hemicyon* известен в Русинге по единственному зубу, а из кошачьих в это время тут жили лишь *Asilifelis coteae* – совсем маленькие мурки, не опасные для приматов. Тем не менее один из скелетов проконсулов был найден в дупле окаменевшего дерева вместе с костями свиней, причём концы костей и обезьян, и хрю-

шек были погрызены. Видимо, какой-то хищник, наверняка креодонт, регулярно таскал добычу в дупло, пока не собрал там отличную палеонтологическую коллекцию.

В лесах несколько иного типа – по соседству, но тоже по берегам речек – жили прыгунчики *Myohyrax oswaldi*, ежи *Gymnurechinus leakeyi*, не имевшие иголок и не умевшие сворачиваться клубком, примитивные кролики *Kenyalagomys minor*, коротконогие маленькие слоны *Archaeobelodon* с парой почти прямых бивней на верхней и парой лопатообразных бивней на нижней челюсти, питавшиеся древесной корой, а также не очень большие дейнотерии *Prodeinotherium hobleyi* – длинноногие лесные слоны с загнутыми вниз бивнями на нижней челюсти.

Несколько дальше от воды, на склоне всё того же вулкана, простирались более сухие горные леса из каркаса *Celtis rusingensis*. Ископаемые почвы тут имеют другой состав, другими были и животные. По деревьям скакали дендропитеки *Dendropithecus macinnesi*, целые скелеты которых найдены в отложениях Русинги. Дендропитеки были странными обезьянами – вроде бы человекообразными, а вроде бы и нет. Скорее всего, они были похожи на нынешних гиббонов. Тут же жили родственники проконсулов лимнопитеки *Limnopithecus legetet* – совсем мелкие, с маленькими клыками, более экзотичные человекообразные нянзапитеки *Nyanzapithecus vancouveringorum* – вдвое меньшие, чем проконсулы, долгоноги *Megapedetes pentadactylus*, карли-

ковые безрогие олени *Walangania africanus* и всё те же дейнотерии.

С другой стороны, в лесах с обилием травы паслись безрогие носороги *Turkanatherium acutirostratum* и двурогие носороги *Rusingaceros leakeyi* типа современного суматранского.

Кроме Русинги и Мфангано, известны и другие местонахождения африканских миоценовых приматов. Мы много знаем о мире проконсулов, но ясно, что это сведения лишь о нескольких точках на карте, тогда как Африка – огромный континент; в других его частях могли происходить совсем другие истории...

Литература

Michel L. A., Peppe D. J., Lutz J. A., Driese S. G., Dunsworth H. M., Harcourt-Smith W.E.H., Horner W. H., Lehmann Th., Nightingale Sh. et McNulty K. P. Remnants of an ancient forest provide ecological context for Early Miocene fossil apes // *Nature Communications*, 2014, V. 5, № 3236, pp. 1–9.

Retallack G. J., Bestland E. A. et Dugas D. P. Miocene paleosols and habitats of *Proconsul* on Rusinga Island, Kenya // *Journal of Human Evolution*, 1995, V. 29, pp. 53–91.

Ward C. V., Walker A. et Teaford M. F. *Proconsul* did not have a tail // *Journal of Human Evolution*, 1991, V. 21, pp. 215–220.

3. БАЧЧИНЕЛЛО СУДЬБА ПРОСТАКА (ИТАЛИЯ; 6,7 МЛН Л.Н.)

Заросли камыша начинались сразу от опушки. Высокие деревья нависали над зеркальцами воды, закрывая их от солнца и не давая высохнуть. Влажная почва была застлана жухлыми стеблями.

Между купами высоких узких листьев медленно, вразвалочку вышагивала странная долговязая обезьяна. Она шла на двух ногах, длинными руками хватаясь за нависающие над головой сучья. Невероятно широко оттопыренный большой палец стопы отлично держал ореопитека на зыбкой почве. Сонные глазки на маленькой мордочке рассеянно высматривали самые вкусные листья.

Ореопитек шёл не торопясь, не оглядываясь и не обращая внимания на шелест листвы. Опасаться было нечего. Крокодилы держались гораздо дальше, где воды было больше, медведи, во-первых, были совсем не злыми, а во-вторых, не совалились в болото. Куницы и выдры никогда не покушались на ореопитека, так что он, не ведая страха, продолжал свой неспешный путь.

Цепкими длинными пальцами ореопитек вытягивал самые сочные растения из влажной почвы. Первым делом он с удовольствием отгрызал толстое корневище, потом задумчиво жевал зелёные листья. Вся его жизнь проходила в таком сомнамбулическом поедании клубней и листьев. Вчера, сегодня, завтра – ничего не менялось, жизнь текла плавно и без забот.

Иногда к заводям с расположенных выше открытых сухих травянистых склонов спускались антилопы, газели и жирафы. Они тоже были неторопливы. Большие и маленькие, они подходили к воде, сонно стояли, медленно пили. Затем они вскидывали головы и спокойно удалялись на свои поляны.

Ореопитек привык к копытным и не обращал на них внимания. Разве только беспокойные свиньи могли нарушить его покой, суматошно взвизгивая и роясь по краям болота. Но сейчас и их не было ни видно, ни слышно. Было хорошо, было как всегда.

Вдруг блуждающий взор ореопитека упёрся во что-то необычное. Из камышей на него в упор смотрел какой-то незнакомый зверь. Что-то нехорошее было в его облике. Слишком уж пристально он вглядывался в расслабленную обезьяну, слишком сверлил жёлтыми глазами, слишком явно оценивал размер, расстояние и последствия. Слишком уж большие зубы

торчали из-под его верхней губы. Такого на острове не бывало.

В вялом мозгу ореопитека шевельнулось что-то. Какое-то нехорошее чувство, как будто память о чём-то, чего никогда не переживал, но точно знаешь, что это что-то очень-очень плохое. Ощущение, что надо что-то делать, что-то предпринять. Смутное побуждение, только бы вот ещё вспомнить – побуждение к чему?

Ореопитек так и застыл с недожёванным стеблем в руке, безуспешно пытаясь разобраться с нахлынувшими эмоциями. А махайродус всё понял и прижался к земле для прыжка...

Улики

Европа конца эпохи миоцена была изобильна. Бóльшая часть материка была покрыта степями, по которым кочевали огромные стада примитивных лошадей-гиппарионов, в честь которых вся фауна названа гиппарионовой. Странные жирафы и свиньи, архаичные слоны и носороги, саблезубые тигры и медведи – буйство субтропической жизни в канун череды ледниковых периодов впечатляет.

Но по краям этого суперсафари лежали заповедники совсем иного рода. Средиземное море тянулось вплоть до Каспийского и Аральского, а на юго-востоке широко соединялось с огромным Персидским заливом. На его лазурной гла-

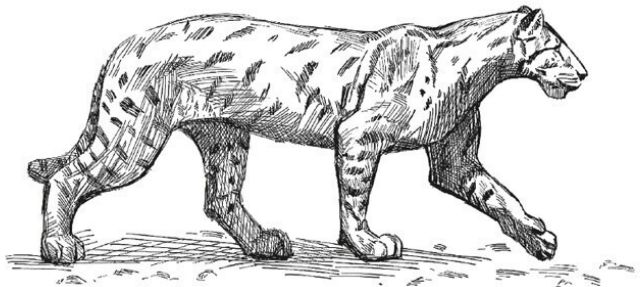
ди покоились многочисленные острова, каждый из которых был своим собственным миром.

Одним из таких миров была область Маремма в юго-западной Тоскане в Центральной Италии и на Сардинии. Возможно, это был даже не один остров, а целый архипелаг, но с маленькими проливами, через которые животные могли иногда перебираться. От материка же вся область была надёжно отгорожена непроницаемыми барьерами. Мы знаем об этом благодаря исследованию ископаемых фаун.

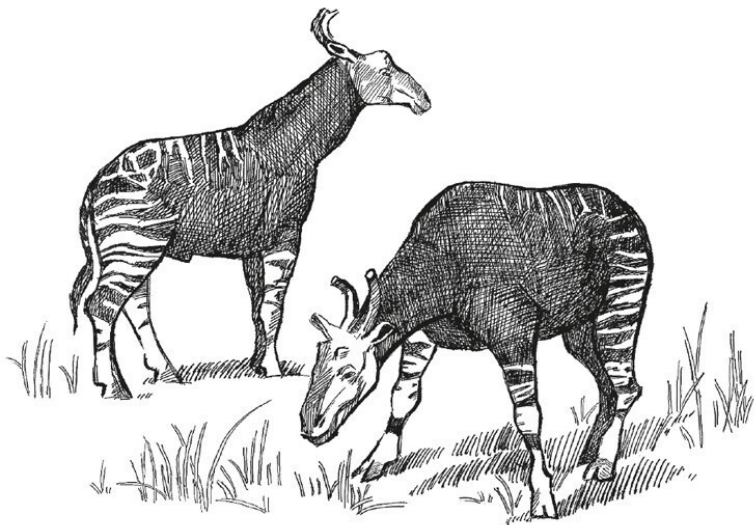
Фауны Мареммы – потомки бывшего великолепия после массового вымирания 9,6 млн л.н. – делятся на пять стадий. В первой из них (8,3–8,7 млн л.н.) присутствовала общеевропейская мышь *Hurzelerimys vireti*, но абсолютно преобладали эндемичные виды, то есть такие, которые встречались только тут и нигде больше. Во вторую стадию (8,1–8,3 млн л.н.) к уже имеющимся добавились африканские антилопы и жирафы, которые мгновенно преобразились на новый лад. В третью стадию (6,7–7,1 млн л.н.) в дополнение к предыдущим видам появились европейские свиньи, но опять резко обособились, так что фауна вновь совершенно уникальна. В четвёртой фазе (6,0–6,7 млн л.н.) фауна резко заменилась: все предыдущие существа полностью исчезли, а их место заняли общеевропейские виды того времени. В пятой фазе (5,5–6,0 млн л.н.) фауна потихоньку менялась, но осталась в целом такой же обычной европейской.

Костяк фауны Мареммы составляют грызуны и копытные.

Среди первых преобладали хомяки и мыши, питавшиеся какими-то сухими травами, а вместе с ними по склонам суетились пищухи – родственники зайцев. По деревьям лазали сони, причём интригует один огромный моляр, принадлежавший гигантскому виду, – хороший показатель островной фауны. На островах, как известно, большие виды часто становятся карликовыми, а мелкие вырастают до гигантских размеров. Правда, как раз «карликовые» животные в Маремме не были какими-то чересчур уж крошечными: маленькая антилопа-прыгун *Tyrrhenotragus gracillimus*, *Turritragus casteanensis* размером с газель, газель *Etruria viallii*; жираф *Umbrotherium azzarolii* тоже был невелик, в полтора-два раза скромнее синхронных родственников с материка. Антилопы *Maremmia haupti* и *M. lorenzi* были по внешнему виду очень похожи на современных конгони или топи, разве чуть меньше; отличала их такая нестандартная для копытных особенность, как непрерывный рост резцов (эта «грызунья» черта встречалась только у столь же необычного ископаемого козла с Балеарских островов *Myotragus balearicus* и ныне есть у викуны *Vicugna vicugna*). Появившиеся в последний этап фауны Мареммы свиньи *Eumaiiochoerus etruscus* были вполне стандартными.

Саблезубый тигр *Machairodus*

Жирафы *Umbrotherium azzarolii*

Странность фауны Мареммы – отсутствие крупных хищников. Конечно, кое-кто да был: крокодил *Crocodylus bambolii*, эндемичные выдры *Tyrrhenolutra helbingi*, *Paludolutra maremmana* и *Paludolutra campanii*, куница *Mustela majori*, а также медведь *Indarctos pundjabiensis anthracitis* (первоначально описанный как *Nyaenarctos anthracitis*) с необычными для медведей растительоядными, совсем не острыми зубами, так что не факт, что его вообще стоит заносить в список хищников.

И вот в таких тепличных условиях жила обезьяна *Oreopithecus bambolii* – человекообразная обезьяна, то есть наша ближайшая родня. Останки ореопитеков известны из первых трёх – эндемичных – стадий фауны Мареммы в ряде местонахождений Тосканы и Сардинии, но самая эффектная находка, без сомнения, скелет самца подростка в лигнитовой плите в Баччинелло.

Ореопитек сильно отличался от всех своих родственников. У него были чрезвычайно длинные руки с ловкими пальцами, которыми он мог аккуратно брать предметы. Его ноги и таз были приспособлены к вертикальному хождению: о прямохождении говорит форма концов бедренной кости, особенности прикрепления мышц на тазе и структура трабекул – костных перемычек внутри тазовых костей. В пояснице ореопитека было пять позвонков, как у человека, а самое важное: имелся поясничный лордоз – изгиб вперёд, нужный для прямохождения. Конечно, это не значит,

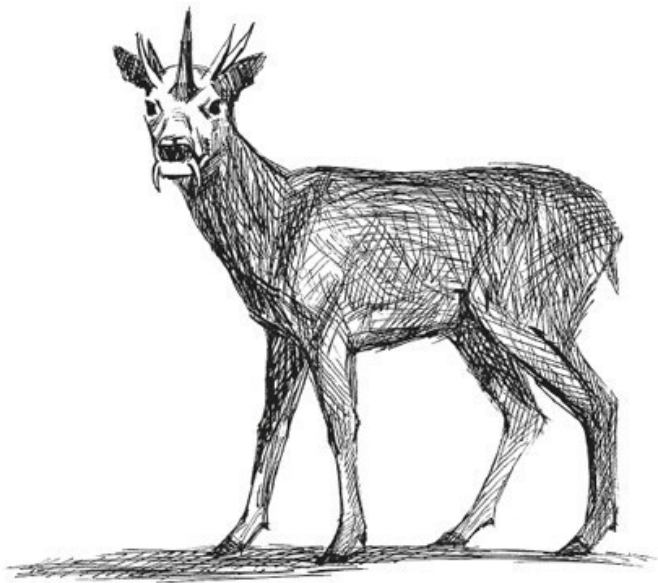
что ореопитек ходил совсем как мы. Его крестец был больше похож на крестец шимпанзе, а на стопе большой палец торчал под тупым углом к остальным — намного дальше в сторону, чем, например, у шимпанзе, так что стопа, с учётом пятки, представляла собой чудной треножник; судя по ориентации таранной кости, при ходьбе ореопитек странно выворачивал ноги носками в стороны.

Отличный способ узнать, как двигалось древнее животное, — изучить его внутреннее ухо. Полукружные каналы внутреннего уха содержат в себе вестибулярный аппарат, отвечающий за чувство равновесия. Размеры каналов увеличиваются у быстрых и подвижных видов для большей стабильности и уменьшаются у медленных. У ореопитека полукружные каналы почти не отличаются от тех, что есть в ухе шимпанзе — быстрого, активного животного, при этом особенно увеличен задний канал, что свидетельствует о сильных движениях головы спереди назад. А эта особенность схожа с человеческой: у нас передний и задний каналы велики для стабилизации при ходьбе, тогда как боковой мал, так как мы слабо качаем головой из стороны в сторону.

Изотопные анализы показывают, что ореопитек питался клубнями и водными растениями. Челюсти и зубы были приспособлены для жевания листьев: например, имелся угловатый отросток на нижней челюсти, а бугорки на молярах располагались поперечными рядами, как у листоядных животных. Странная особенность ореопитека — центроконид, осо-

бый бугорок в середине жевательной поверхности нижних моляров, такого не было вообще никогда ни у каких приматов. Мордочка ореопитека была небольшой, клыки довольно скромными, в том числе у самцов, так что эти обезьяны были сравнительно миролюбивы. Размер мозга ореопитека – 276 см³ – вдвое больше, чем у самого крупного гиббона, но в полтора раза меньше, чем у шимпанзе.

Как итог: ореопитек был странной обезьяной – достаточно сообразительной и миролюбивой, умевшей ходить на двух ногах, но с необычной походкой, с очень ловкими, но и очень длинными руками. Судя по составу отложений, ореопитеки жили в заболоченных лесах. Отсутствие хищников позволило ореопитекам спускаться с деревьев и прекрасно себя чувствовать на земле, собирая сочные околоводные растения. Выше ореопитекового болота располагался горный сухой лес, а дальше – степи с антилопами и мышами. Такая идиллия продолжалась как минимум полтора миллиона лет – вполне достаточный срок для того, чтобы расслабленные островные существа потеряли страх перед хищниками.

Саблезубый пятирогий олень *Hoplitomeryx*

Все знают истории про дронтов и прочих экзотических животных с маленьких островов, которые безбоязненно подходили к мореплавателям и становились жертвами человеческой алчности. Ровно то же случилось с ореопитеками. Когда изоляция кончилась, на остров хлынули переселенцы, закалённые в суровом мире материка: олени *Paracervulus australis*, *Procapreolus loczyi* и *Tuscomeryx huerzeleri*, свиньи *Propotamochoerus paleochoerus*, носороги *Dicerorhinus megarhinus* и *Stephanorhinus*, тапиры *Tapirus arvernensis*, ло-

шади *Hippotherium malpassii*, колобусы *Mesopithecus*, а самое главное – саблезубые тигры *Machairodus*. Это та самая фауна, которая 6,7 млн л.н. заменила фауну Мареммы. В ещё более поздней фауне тоже нет никаких следов эндемиков: дикобразы *Hystrix primigenia*, небольшие антилопы *Samotragus occidentalis* и похожие на антилоп быки *Parabos*, свиньи *Propotamochoerus provincialis*, носороги *Dicerorhinus megarhinus*, лошади *Hippotherium malpassii*, гиены *Plioviverrops faventinus* и волки *Eucyon monticiniensis*.

Удивительно, но местообитания после вымирания ореопитеков практически не поменялись и стали даже чуть более лесистыми. Про это мы знаем благодаря изотопным анализам ископаемых почв, изучению древней пыльцы и зубов растительноядных животных. Это, между прочим, единственный известный пример, когда после исчезновения обезьян лесов стало больше. Он же показывает, что вряд ли причиной гибели фауны Мареммы были ландшафтные изменения. А вот появление хищников – это да, этого пережить было никак нельзя. Ореопитеки были слишком расслаблены предыдущим благоденствием и пали жертвой саблезубых кошек, волков и гиен.

Фауна Мареммы была далеко не единственной и даже не самой удивительной. В то же время – с 12 до 4 млн л.н. – чуть южнее лежал остров Гаргано. На нём жила ещё более странная фауна «микротия», названная так по грызунам *Mikrotia*, самый крупный вид которых – *M. magna* –

имел череп 10 см длиной, как у некрупного бобра. Огромных размеров достигали и пищухи *Prolagus imperialis* и *P. apricenicus*, сони *Stertomys laticrestatus* и хомяки *Hattomys gargantua*. Велики были и птицы – соколы *Garganoaetus freudenthali* крупнее беркута и полутораметровые нелетающие гуси *Garganornis ballmanni*. А чего стоят саблезубые пиятирогие олени *Hoplitomeryx*!

Отличный способ узнать, как двигалось древнее животное, – изучить его внутреннее ухо. Полукружные каналы внутреннего уха содержат в себе вестибулярный аппарат, отвечающий за чувство равновесия

Самыми ужасными хищниками Гаргано были гигантские совы *Tyto gigantea* и *T. robusta* более чем полуметрового роста, выдры *Paralutra garganensis* и ежи *Deinogalerix*, среди которых рекордсменом был *D. koenigswaldi*, чей череп достигал 20 см длины, – а это, на всякий случай, размер черепа небольшого волка.

Похолодание привело к появлению ледников на севере и юге Земли. Массы воды превращались в снег и лёд и не возвращались в круговорот; уровень морей и океанов понизился. Там, где до этого плескались воды проливов, обнажилась суша. Расположенные недалеко от материков острова становились полуостровами, а жившие на них необычайные животные исчезали, как утренний туман при появлении солнца.

После гибели ореопитеков островные истории случались

ещё не раз. В некоторых из них тоже участвовали обезьяны, но это – уже совсем другие истории...

Литература

Geer van der A., Lyras G., Vos de J. et Dermitzakis M. Evolution of Island Mammals. Adaptation and extinction of placental mammals on islands. Wiley-Blackwell, 2010, 509 p.

Matson S. D., Rook L., Oms O., Fox D. L. Carbon isotopic record of terrestrial ecosystems spanning the Late Miocene extinction of *Oreopithecus bambolii*, Baccinello Basin (Tuscany, Italy) // *Journal of Human Evolution*, 2012, V. 63, pp. 127–139.

Nelson Sh.V. et Rook L. Isotopic reconstructions of habitat change surrounding the extinction of *Oreopithecus*, the last European ape // *American Journal of Physical Anthropology*, 2016, V. 160, pp. 254–271.

4. АРАМИС УСЫХАЮЩИЙ РАЙ (ЭФИОПИЯ; 4,4 МЛН Л.Н.)

Сухой ствол одиноко белел на опушке. Его сучья разделили два мира. С одной стороны простирался заросший парк, над которым живописно раскинулись веера пальм. С другой деревья исчезали, а между кустами открывались широкие свободные участки.

Самка ардипитека спустилась ещё на одну ветку. Её внимательные глаза ощупывали кущи за сухим стволом. Среди серо-зелёного марева могли таиться самые разные неожиданности. Открытое пространство было опасно.

В родном парке всё было куда проще и понятнее. Лесные антилопы, свиньи, сиватерии и дейнотерии копошились внизу, между стволами. Иногда ардипитеки роняли фрукты, и было забавно смотреть, как их подбирают суетливые хрюшки. По вечерам из прибрежных зарослей недалёкого озера на луга выходили водяные козлы и бегемоты, но с ними ардипитеки

почти не пересекались. Столь же мало волновал и плеск гигантских выдр, и шорох мелких лесных кошек, которые могли напугать, но в целом были безвредны. Конечно, и в парке были свои неприятности. Шустрые колобусы гораздо быстрее добирались до свежей листвы, а злобные и наглые павианы вполне были способны убить отлучившегося в сторону детёныша; впрочем, тех и других было не так уж сложно прогнать. Иногда под деревьями бродили медведи и саблезубые кошки, но от них достаточно было залезть повыше. Реальным злом были лишь леопарды – ну что ж, и в раю бывают свои монстры. Но и они не могли забраться на самые верхние ветви и очень не любили крика, так что ардипитеки не слишком боялись пятнистых чудищ.

Совсем другое дело – буш за сухим деревом. Шевеление листьев было менее подозрительным, чем их полная неподвижность. Цесарки, дрофы и турачи не особо прятались и старались держаться открытых мест. Ориксы, импалы, бубалы и жирафы тоже всегда были на виду. Слоны, носороги и быки могли быть незаметны, но большой опасности не представляли, поскольку попросту не реагировали на обезьян. А вот тишина и спокойствие были страшнее всего. Где-то в кустах таились всё те же леопарды, саблезубые кошки и медведи, только

вот спастись от них было уже некуда. Главный же ужас наводили гиены и шакалы – быстрые, организованные и очень злые. Убежать от них было невозможно, отбиться – нереально, спрятаться – нигде.

А перейти неприятное место было необходимо. Родной парк, такой просторный и красивый, оскудел. Все плоды на фикусах и вкусные молодые листочки на каркасах ардипитеки уже подъели. Жёсткая старая листва совсем не привлекала. А за полосой буша заманчиво зеленела соседняя роща. Там точно было много всего вкусного. Самка прекрасно помнила, как вся группа отлично жила там когда-то, как вкусны сочные кисло-сладкие плоды восковницы, невысокие деревья которой составляли немалую часть той рощи. И совсем неспроста туда второй день летели птицы. Эх, хорошо попугаям, рогатым воронам и птицам-мышам – они всегда могли легко и непринуждённо перепорхнуть, куда им вздумается.

Идти через открытое пространство не хотелось. Хотелось есть.

Осторожно переступая по толстым сучьям цепкими ногами, как по лесенке, самка спустилась ещё ниже. Хвататься за ветки одной рукой было неудобно. Второй рукой она придерживала детёныша, таращившего круглые

глазёнки и судорожно цеплявшегося за редкую шерсть мамы.

Заросли за деревом были всё так же тихи. Это пугало. Но вот меж кустов возникло некое движение. Знакомый самец выпрямился и осторожно огляделся. Самка вытянула шею и тихо вскрикнула. Самец не ответил – вопить можно было сидя на дереве, но не в чистом поле. Несколько поодаль столь же тихо возникла вторая тёмная фигура. Ушедшие вперёд самцы, всё так же внимательно вглядываясь в кусты, но уже не очень прячась, в полный рост, двинулись в сторону соседней рощи.

Самка быстро слезла с дерева, надёжно обняла ребёнка обеими руками и поспешила за самцами, чтобы не отстать...

Улики

Восточная Африка – неисчерпаемый кладёз сведений о наших далёких предках. В палевых пустынях Эфиопии сохранились окаменелости, рассказывающие о прошлом. Огромное число местонахождений тянется вдоль реки Средний Аващ, а одно из самых известных и важных среди них – Арамис. Тут найдены многочисленные кости животных, окаменевшие семена и куски древесины, попавшие в почву 4,4 миллиона лет назад.

В те времена долина Среднего Аваша выглядела куда привлекательнее. Тут были заводы и озёра, о чём мы знаем благодаря останкам колпиц *Platalea*, шпорцевых гусей *Plectropterus/Sarkidiornis*, змеешек *Anhinga*, бегемотов и водяных козлов *Kobus preoricornis*. За рыбой ныряли выдры, в том числе гигантские *Enhydriodon*.

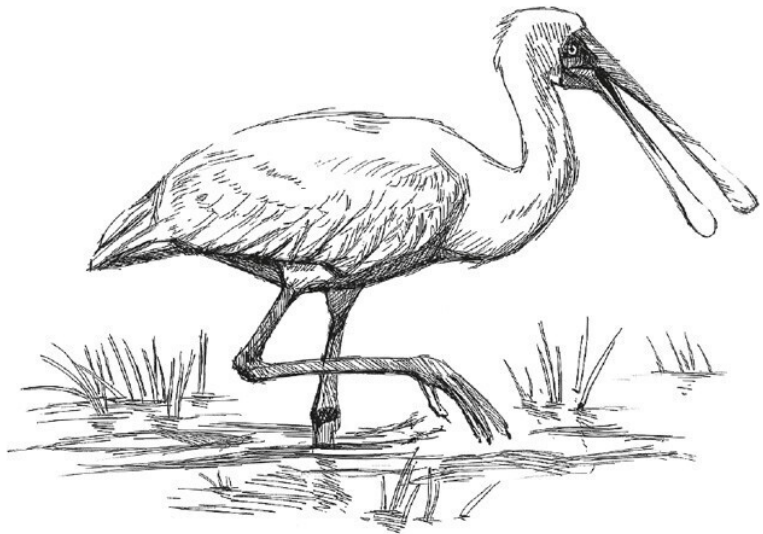
Вокруг озёр леса чередовались с зарождающимися саваннами. Леса выглядели скорее как парки: кроны закрывали от 20 до 40 % земли, то есть древесным жителям приходилось частенько слезать вниз, чтобы добраться до следующего ствола. Благодаря находкам древесины мы знаем, что в лесу росли фикусы *Ficus* (а в Африке это не кустик на подоконнике, а огромные деревья), а по семенам и пыльце – каркас *Celtis* и восковница *Myrica*. И как здорово, что ягоды фикусов и молодая листва каркасов – любимая еда современных шимпанзе, да и плоды некоторых видов восковницы бывают очень вкусны. Пейзаж украшали веерные пальмы *Borassus/Hyphaene*, чья пыльца в большом количестве найдена в разных частях отложений Арамиса.

В лесах жили самые разные животные. По ветвям перепархивали фруктоядные птицы – от огромных рогатых воронов *Bucorvus*, средних зелёных голубей или горлиц *Treron/Streptopelia*, попугаев-неразлучников нескольких видов *Agapornis* и длиннокрылых попугаев *Poicephalus* до крошечных, но оттого ещё более прожорливых птиц-мышей *Urocolius*. Показательно, что современные родственники

этих птиц живут на опушках, а не в густых лесах. Между прочим, кости попугаев составляют 36 % от всех птичьих останков. А ведь попугаи и птицы-мыши – очень успешные поедатели фруктов; в современных садах они даже считаются вредителями, ведь всё, что они надклевывают, в условиях тропиков моментально загнивает. Получается, что эти пернатые были одними из главных конкурентов наших предков!

Благодаря анализу изотопов углерода и кислорода из почвы и ископаемых зубов мы знаем, какие животные жили в каких местообитаниях – заросших деревьями или травой, сухих или влажных.

Кости копытных из Арамиса принадлежат свиньям разных видов: мелким, с крошечными клычками *Cainochoerus*, похожим на пекари, более крупным и скуластым *Kolpochoerus deheinzeli*, чьи низкие бугорчатые зубы приспособлены для питания корнями, клубнями и фруктами, *Nyanzachoerus jaegeri*, скулы которых торчали в стороны огромными пластинами, на зависть всем бородавочникам, *N. kanamensis* – самому живучему виду, существовавшему полтора миллиона лет подряд по всей Африке. Из них *Kolpochoerus deheinzeli* хрюкали на опушке леса, а остальные хорошо чувствовали себя в более открытой местности.

Колпица *Platalea*

В лесу рядом с заводами держались павлины *Pavo*, слоны *Deinotherium* с загнутыми вниз бивнями на нижней челюсти, винторогие лесные антилопы *Tragelaphus kyloae* и какие-то карликовые антилопы, меньше зависели от воды короткошее лесные жирафы *Sivatherium*, похожие на помесь окапи, буйвола и лося.

Есть в фауне Арамиса и жители куда более открытых пространств. Турачи *Francolinus*, перепела *Coturnix*, хохлатые цесарки *Guttera*, дрофы *Otis/Ardeotis*, импалы *Aepyceros*, антилопы-бубалы *Damalops*, газели *Gazella*, быки

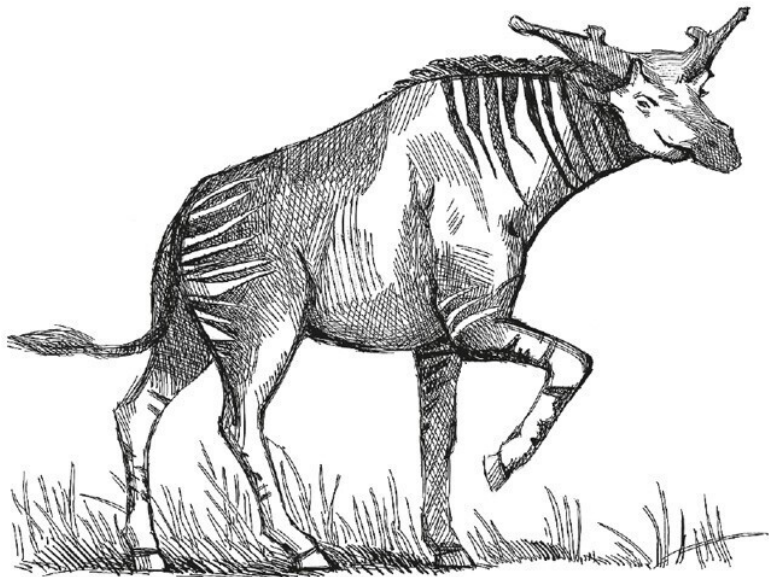
Simatherium и *Ugandax gautieri*, жирафы *Giraffa*, белые носороги *Ceratotherium* и чёрные носороги *Diceros*, гиппарионы *Eurygnathohippus*, прямобивневые слоны *Anancus* паслись в кустарниках и даже в самых что ни на есть саваннах, хотя число костей степных животных заметно меньше, чем лесных.

Явно имелись и ещё более засушливые участки, чему свидетельство кости ориксов *Praedamalis* и трубкозубов *Orycteropus*.

Ясное дело, на всё это изобилие растительных нацеливалось немало хищников: не вполне точно определённые гиены и собаки, медведи *Agriotherium*, саблезубые *Dinofelis* и *Machairodus*, леопарды *Panthera* и несколько видов кошек *Felis*.

Нам же сие сафари интересно потому, что в Арамисе обнаружены кости *Ardipithecus ramidus* – нашего прямого предка. Ардипитеки – уникальные существа, имеющие ровно поровну обезьяньих и человеческих качеств. Так, их голова имела лишь две человеческие черты. Во-первых, это смещённое вперёд большое затылочное отверстие на основании черепа (через которое спинной мозг соединяется с головным), что свидетельствует о положении головы на вертикальном позвоночнике. Во-вторых, у ардипитеков были сравнительно небольшие клыки и вообще морда, причём как у самок, так и у самцов, что говорит о сниженной межсамцовой и внутригрупповой агрессии. Проще говоря, ар-

дипитеки были общительны и добры друг к другу. Дружелюбие и сплочённость стали залогом выживания в полной опасности саванне, в которую постепенно превращались родные для обезьян леса. Важно помнить, что ардипитеки по сути ещё обезьяны: они не изготавливали орудий, не имели речи, их мозг не превосходил шимпанзиного и интеллект был соответствующим (между прочим, шимпанзе тогда ещё не появились, а после наверняка обогнали ардипитеков по шкале разумности). Руки ардипитеков спускались ниже колен, пальцы были изогнуты. По пропорциям они занимают промежуточное положение между шимпанзе и людьми, причём это не значит, что ардипитеки – промежуточное между ними звено; просто в последующем у предков шимпанзе руки вытянулись и пальцы искривились ещё больше, а у людей – укоротились и выпрямились.

Лосеподобный короткошейный жираф *Sivatherium maurusium*

Самые замечательные части ардипитеков – таз и стопа. У современных обезьян таз длинный и узкий, у людей – низкий и широкий, а вот у ардипитеков он квадратный! На стопе ардипитека сочетаются на первый взгляд противоречивые особенности: длинный оттопыренный большой палец явно приспособлен для хватания за ветки, а продольный и поперечный своды стопы – для прямохождения. До открытия ардипитека учёные предполагали, что сначала большой палец

потерял хватательные способности, а потом возникли своды. Если же вдуматься, реальное сочетание логичнее: как бы могло передвигаться существо и без хватания, и без сводов? В принципе, современные люди с плоскостопием обычно не так уж плохо себя чувствуют, но ведь речь не об индивидуе, а о сотнях тысяч приматов, живших миллион лет подряд, которым к тому же надо было регулярно убегать от гиен и саблезубых тигров!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.